

куда глаза глядятъ?! Неужели вы думаете, что Его допустили бы это сдѣлать?!... А если у васъ нѣтъ такой дикой мысли, то что же значить ваше обличеніе? Все его значеніе сводится, слѣдовательно, къ попыткѣ раздражить сильныхъ міра, сводится къ попыткѣ сдѣлать изъ нихъ мучителей, а себя представи́ть мученикомъ, на ихъ безславіи хотитете вы построить свою славу,—вамъ еще мало той, которою пользуетесь,—возбуждая ненависть къ сильнымъ міра, вы хотите построить свой тронъ въ сердцахъ тѣхъ, которые жаждутъ не уничтоженія власти, а перемѣненія лишь силы въ собственныя руки. Вы, впрочемъ, хорошо знаете, что ваши попытки никакого вреда вамъ не принесутъ, вы хорошо знаете тѣхъ, которыхъ дразните, вы знаете, что еще Великій Императоръ Миротворецъ Александръ III-й сказалъ, когда Ему предлагали заточить васъ въ монастырь, что онъ не такой дуракъ, чтобы дѣлать изъ васъ мученика. Зная однако, что въ тюрьму васъ не посадятъ, жизни не лишатъ, и никакого насилія надъ вами не учинятъ, вы въ вашемъ „Не могу молчать“ еще разъ (въ который это разъ?) заявляете, „такъ жить нельзя“, и прибавляете—„я по крайней мѣрѣ не могу такъ жить, не могу и не буду“. Смѣлое заявленіе! Когда же вы не будете такъ жить? Жить вамъ осталось, по всей вѣроятности, не долго; послѣ вашего заявленія, что вы не будете такъ жить, прошло больше полугодя, а вы все живете такъ же, какъ и всегда жили; судя-же по описанію вашего юбилейнаго дня въ октябрьской книжкѣ Историческаго Вѣстника, вы живете теперь даже съ большимъ комфортомъ, чѣмъ прежде жили,—вы уже сами не ходите, а васъ возятъ въ креслѣ, въ день юбилея васъ нѣсколько разъ вывозили изъ кабинета въ зало и столовую комнату, гдѣ вы читали адреса, присланные изъ разныхъ мѣстъ, даже изъ Австрали и все людьми, живущими такъ, какъ жить по вашему нельзя, и никто изъ приславшихъ вамъ адреса и окружавшихъ васъ во время юбилея и не думаетъ хоть въ чемъ нибудь перемѣнить свою жизнь. Что же значить ваше „не могу и не буду“, должны бы были вы, наконецъ, убѣдиться, что насильно перемѣнить жизнь васъ не заставятъ. „Такъ жить нельзя“—вы провозглашаете съ самой ранней юности, еще вашъ Николенька въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“ мечталъ объ иной, лучшей жизни. А помните-ли вашъ рассказъ „Люцернъ“, какъ вы бѣднаго музыканта притащили въ среду чопорныхъ англичанъ и угощали шампанскимъ; развѣ весь этотъ рассказъ не истерическій крикъ—„такъ жить нельзя“?!... И что-же изъ этого вышло? Все и ограничилось этими истерическими криками, и на старости лѣтъ вы такъ-же какъ и въ молодости, продолжаете истерически кричать—„такъ жить нельзя, по крайней мѣрѣ я не могу такъ жить, не могу, и не буду“. Да, не будете, когда умрете, а до тѣхъ поръ будете жить все такъ-же, какъ и теперь живете, будете жить такъ, какъ живутъ всѣ, васъ окружающіе, и ни въ чемъ себѣ не отказывая,—только другихъ будете обличать въ томъ, что они живутъ не такъ, какъ должно. Впрочемъ, вы не говорите и того, какъ должно жить, вы говорите только, что такъ жить нельзя! Какъ же однако жить? Можетъ быть, лучше совсѣмъ не жить?!...

Воображаю, какъ вы были довольны, когда васъ отлучили отъ церкви! Что вамъ это отлученія, когда вы, какъ и вся наша интеллигенція, ни-